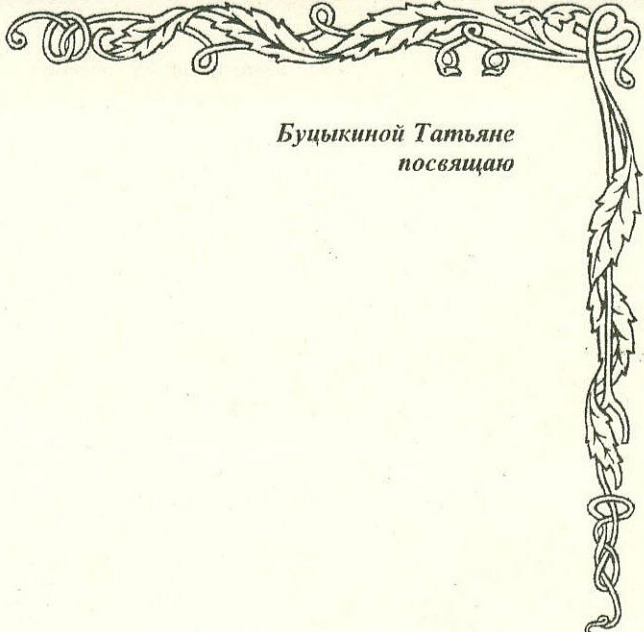

311
189

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ЗАРЧА»
г. ПОЛЫСАЕВО

ВАЛЕРИЙ УХАНЦЕВ

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

A decorative border in the top right corner of the page, featuring a stylized vine with leaves and floral motifs. The border starts horizontally and then curves vertically down the right side of the page.

*Буцькиной Татьяне
посвящаю*

Philanthropy fund «Zarechie»
Polisaivo

Valeri Uhandiev

MELANCHOLY EVENING
LIGHT

Благотворительный Фонд «Заречье»
г. Полысаево.

Валерий Ухандеев

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

«Библиотека
им. М. Горького»
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Любимые
друзья наши,
заказывающие
Библиотечкой
от
Т. Ухандеевой
автора
13.01.03г.

Гимн Земле Кузнецкой.

Земля Кузнецкая - наш дом.
О, Родина, тебя мы славим!
О «черном золоте» поем,
Тепло и свет Отчизне дарим.

Припев:

Славься, труженик Кузбасс!
Великая держава
Салютовала вновь для нас.
Земле Кузнецкой - слава!

Была ты кузнецой победы.
Сибиряки не подвели.
И мы гордимся, наши деды
Победно по Европе шли.

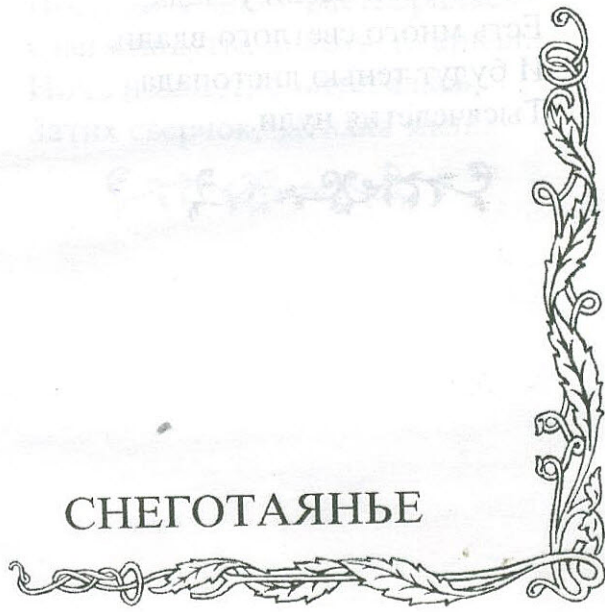
Припев.

В жаре мартена и в забое,
Где не выдерживал металл,
Наш хлеб, добытый в летнем зное,
Людей Кузбасса прославлял.

65225 / 13299
"Библиотека
им. М. Горького"
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

СНЕГОТАЯНЬЕ

Осень.

И осень может не наскучить,
И в ней непонятое есть,
Пусть ветер поднимает к тучам
Листвы проржавленную жесть.

Пусть грязь, налипшая к колесам
У брички замедляет ход,
И кучер с покрасневшим носом
Все что-то грустное поет.

Есть в этой осени улада,
Есть много светлого вдали.
И будут тенью листопада
Тысячелетия нули.

Укрыты холодом зимы
Застывшие растенья.
Сугробы, снежные холмы
Растут, как по велению.

Селений дальние отшибы
На откуп отданы ветрам.
И покосившиеся избы
Подперты снегом по бокам.

Поземка в вьюге растворилась.
Снега надуты, вплоть до крыш.
Ночь незаметно опустилась,
Затих сверчок, затихла мышь.

Ночи странные зимой.
Каждый шорох в доме слышен,
Домовой ли, или мыши
Зашуршали за стеной.

Флюгер голосом осипшим
Не нарушит тишину,
Карандаш свечи оплившей
Освещает стол, стену.

За стеклом заледеневшим
Тьма в покои к нам глядит.
И, клен, идолом воскресшим
От мороза заскрипит.

В зеркалах все, кто когда-то
В них смотрелся - оживут,
Как тогда готова хата
Для гадания причуд.

Ни о чем не сожалая,
Никуда не торопясь,
Словно капельки еля,
Ночь на душу мне лилась.

Тропинка ведет за деревню,
В сугроб провалился клен.
Неспешно, с хмельною ленью
К ней пробирается он.

Вьюга снежной рогожей
Укроет тебя, и ты
Совсем захмелевший прохожий
Согрет от ее доброты.

Февральское небо и звезды
Прогонят хмельную дурь.
Клен, одиноко пойдешь ты
Встречать дней весенних лазурь.

Зимнее редколесье,
Белая грусть берез.
Клен, ведь с тобою здесь я
В этой деревне рос.

*** **

Снеготаянье, снега таянье
Оседают сугроб, - вода
Собирается на окраине
Неразбуженного пруда.

Лед у берега ненадежен.
Прорубь полная до краев.
Ручеек еще осторожен
Там, в тени, у прибрежных кустов.

Снеготаянье, снега таянье
Разливается. Не вода
Разольется - раскаянье
Всех сердец, отогретых от льда.

Треплет вихры соломенной крыши
Ветер. Осень в селе,
И октябрь по дорожной жиже
Уж уходит, забыв о тепле.

Белоснежной крупой посыпая,
Грусть останется у окна.
И «журавль», свое вспоминая,
Непреклонным стоит до темна.

Русь забытая и родная
Вспоминается мне.
И свеча, догорая,
Отдает свет луне.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО.

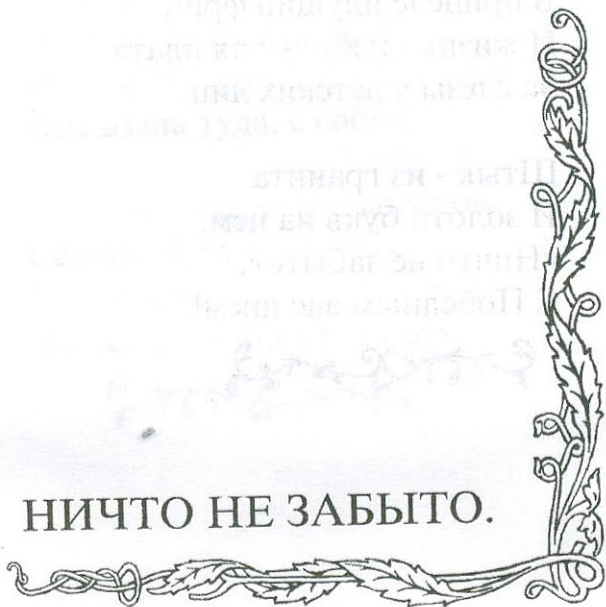
Безумие текло
По тающему воску.
Не пламя жгло,
А тьма прильнувшая к окошку.

И капли застывали
На ледяной руке.
И звезды засияли
Уже невдалеке.

Весь белым воском
Оплавлен канделябр.
По снега крошкам
Идет в ночи октябрь.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО.

Стела небо проткнула
Трехгранным штыком.
Слово слух резануло
Немецким «Ком, ком».

Пуля прошла навывлет.
Ранение - ерунда.
«Максим» перегретый клинит.
И смолкло его тра-та-та.

В подсумке одна граната.
В прицеле идущий фриц.
И жизнь - небольшая плата
За слезы у детских лиц.

Штык - из гранита
И золото букв на нем.
«Ничто не забыто».
С Победным вас днем!

Юлии Друниной.

Она жила войной далекой,
Разрывы бомб и медсанбат
Остались истиной жестокой
И срифмовались в мать и мат.

И в каждом сне она спасала,
И пробуждал от сна свой крик.
Не умирай, солдат, - кричала
Строка послевоенных книг.

Болело сердце за Россию.
Все шел ее последний бой,
И дней победных ностальгию
Она взяла туда, с собой.

И вот в шинели той военной
Сейчас. В одном строю
С своею ротой, что под Веной
В последнем полегла бою.

Колокола тревогу разливают.
Звучит набат.
Собаки воют, а не лают
И ал закат.

-«Война, война»- хрипит «тарелка»,
И сердце разрывает боль.
От взрыва сыпется побелка
В рассыпанную соль.

И эшелоны - длинные мишени
В Сибирь спешат.
А на плакате восхваляет Ленин
Немецкий пролетариат.

Кто-то шепчет, что там, вдали
Восстала, вечно вечно горит
Доброты и любви
Останется ли душа, оставшаяся
От чужих, от чужих, от чужих
Все возвращает
И в сердце своем
Своем не оставляет
Войдет в Царство
И в сердце своем

Окольная книга
От сотворения света
Начнет все, что было
И в сердце своем

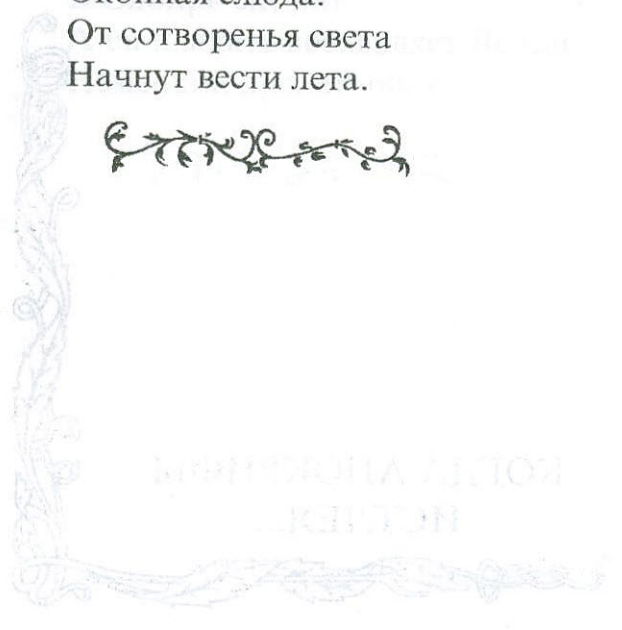
КОГДА АПОКРИФЫ ИСТЛЕЯ...

Когда апокрифы истлея
Рассыпятся, лишь пыль дорог
Дохристианской Иудеи
Останется от строк.

Все возвратится, *древний старец*
И римский легион *башня*
Своею вереницей *войска*
Войдет в Иерихон.

И вновь лучом согрета *вазели*
Оконная слюда.
От сотворенья света *свечи*
Начнут вести лета.

Там переходят воду вброд,
Но берег тот потусторонний
Не отпускает. Рвутся кони
И всадников уносят от,
От невозможности вернуться.
Ночные всадники, как дым,
Туманом берега коснутся
Дыханием своим.
Кольчуги, копья и щиты
Из черного металла.
И холод вечной пустоты
У млечного причала.

652225 -

"Библиотека
им. М. Горького"
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Из неизбежности даль сна
Нахлынет. Рокот приближенья
Несет бурлящая волна
Необъяснимого волнения.

Пересекаются, встречаясь,
Века и дни.
И где-то там нагромождаясь
Перегородят путь они.

И груды прошлого - граница.
Здесь жизнь - там тлен.
И вот пасхальная седмица -
Знак эры перемен.

Добавить красного в закат
Так, чтобы все побагровело,
И пусть свечи расплавленное тело
Последней каплей переполнит ад.

Забуть, что день сей нескончаем.
Тысячелетье для него -
Лишь миг. И там за краем
Все та же воля одного.

День уходящий забывая,
И ничего не говоря
Смотреть, как постепенно тая,
Уходит красная заря.

Какая странность: человек
Не знает имя Бога,
То имя - шум? Волны набег?
Иль взгляд всевидящего ока.

И не найти в старинных книгах
Название всему.
Есть что-то на Рублева ликах
Иди, иди к нему.

Иди по терну, по занозам,
Путь непростой сквозь тьму.
И переход тот к счастья слезам,
К Голгофскому холму.

Лохмотья серых облаков
Легли на плечи колокольной,
И ностальгическое «Помни»
Из прошлых донеслось веков.

Упали капельки дождя
В осеннюю дремоту.
Усталый путник что-то ждя,
Смотрел на позолоту.

Заговорят колокола
С уставшею душою.
И даже тот, кто мал-мала
Шепнет: «И Он со мною».

Наидобрый снова
Неузнан. И во втором
Пришествии слово
С гонимым идет Христом.

Он исцеляет души,
А мы исцеления тел
Желаем. И кто бездушен
Увы, уже преуспел.

Вязь арабская Корана.
Латынь «Путеводителя души...»
Поют единому - Осанна
По разны стороны межи.

Проложенной меж нами,
Чтобы соединять,
Пусть разными языками
Нести благодать.

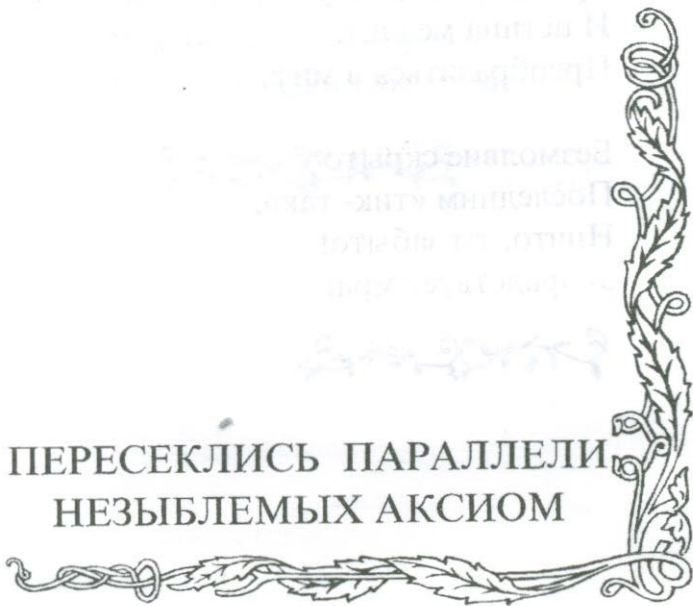
Кто ты, нищая или вещая?
Принимаешь иль отдаешь?
Жизнь прошедшая или дальнейшая -
Подаяния медный грош.

И лежит на холодной ладони,
На скрещении линий судьбы
Грош, добытый в поклоне,
Дар двуперстной мольбы.

Как дитя нелюбимое,
Ветер в поле обняв,
Все скитаешься, Русь гонимая
Троеперстие не приняв.

ПЕРЕСЕКЛИСЬ ПАРАЛЛЕЛИ
НЕЗЫБЛЕНЫХ АКСИОМ

Ничто существует.
Рождается сущее,
И голос кочует,
Во тьму нас зовущий.

К жизненной цели
Уже не придем.
Пересеклись параллели
Незыблемых аксиом.

Хронометр бредит.
Бросает в жар тиф.
И истина медлит,
Преобразиться в миф.

Безмолвие скрыто
Последним «тик- так».
Ничто, ты забыто!
Злорадствует мрак.

Еще неведомы печали.
Тупик у всех дорог.
Ты лишь вначале
Весенних дней росток.

И холод равнодушья
Тебе ведь не знаком.
И не давил тебя удушьем
Хандры неясной ком.

И острозубый корки наст
Не обводил следы багрянцем.
Я знаю, кто тебя предаст,
И что тебе дано авансом.

Время в этом мире
Граничит с тишиной.
Часов настенных гири
Застыли над землей.

Лишь маятник, как воин,
Шагает прямо в даль.
Пред вечностью спокоен
И холоден, как сталь.

Здесь нету ложных истин
И маятник свой шаг
Чеканит. И бессмыслен
Мир без его «тик-так».

Древний Рим.

Дороги все упрутся в Капитолий.
Столица мира - гордый Рим.
И в славе и в юдоли
Он непоколебим.

Величие, тщеславность.
Медь красная мечей
Впитала кровожадность
Волчицы сыновей.

И в сотворенье Рима
Звериное нутро
Вплело необъяснимо
Все зло и все добро.

Клубком противоречий
Вечный город стал.
И нравственные речи -
Нерона пьедестал.

По старшинству, по праву
История сама
Прославила державу
Капитолийского холма.

Ночные бденья. Ворох строк
Перемешают с голосами.
И сна таинственный восторг
Зачародействует словами.

Те голоса - в тумане струны,
Став тайною ночной,
От непонятности безумны
Как сон-травы настой.

Перенесет с собой в иное
Друг ночи - карандаш.
И увеличивает вдвое
Бессонница свой стаж.

А свет свечи недогоревшей
Восход собою заслони.
Огарок, еле тлевший
Ночную дверь закрыл.

Одиноки мы во вселенной
Одиночество - часть пустоты,
Остающийся неизменной
И холодной, как льды.

Мы одни, и мы неизвестны
В том скоплении светил.
И земные рамки нам тесны.
Мы - мгновенье, нас космос забыл.

*** **

Будто амфоры две вазы.
В них бумажные цветы,
Воспоминания, рассказы
Бессмертие, но без мечты.

В бумажной розе век прошедший
Хранит свои черты.
Цветок, чуть пожелтевший,
Кем создан ты?

Забыто таинство творенья
Мир неживых цветов.
Запечатленное мгновенье
Тех прожитых веков.

Огненный ангел - огнепоклонник.
Лик и личина - все в огне
И убеждает сожженный сонник:
«Ночь отражается в каждом дне».

И неизбежность дня, событий
Предопределена.
И рок невидимые нити
Уж вплел в паутину сна.

Тень.

За мной идти обречена
И мы неразделимы.
А может властвует она
И тенью мы гонимы.

Таинственна всегда.
Тень в темном силуэте.
Обманчива, проста,
Скрывая страхи эти.

И мы зависим от нее.
И наше темное начало
Там, где небытие
Нас с тенью обвенчало.

Краток миг - миг перехода
И его не уловить,
Как мгновение восхода
Смерть нельзя остановить.

Настоящее в былое -
Все уходит навсегда.
Продолжатель рода Ноя
Ты идешь. Куда, куда?

Там в тумане Млечной пыли
Ты не встретишься ни с кем.
И задумаешься: «Ты ли,
На Земле был всем?»

Становясь с годами старше,
Земное бытие
Мы пьем из чаши
Чужое и свое.

Не отдаем, а забираем -
Вот в чем беда,
И чашу с золоченым краем
Заполнит пустота.

Все выпито. Но не время
Еще уходить.
Вот тяжкое бремя:
И быть и не быть.

Кровоточит закат облаками,
Где-то там, на краю земли,
В разыгравшейся драме
Настоящее жгли.

Не горели, а тлели
В той вечерней заре
На больничной постели
Дни, в потухшем костре.

Ускользало мгновенье,
Что даровано нам,
И закатное тленье -
Шаг последний к ночам.

Луна ярка. Час полнолунья
Всю комнату преобразил.
И шепчет ночь: «Луна- колдунья
И взгляд ее день погубил.
Она безвременно с безумьем
Смешала в зелье роковом.
От отрицания к раздумью
Придешь ли ты, простившись с днем?»
Круг - лунный камень
Злым чарам супротив
Произнеси тихонько: «Аминь»
Все лунным светом окропив.

Светильник бабочку влечет,
Судьбою ночь повелевает.
Мгновенья длящийся полет,
И о себе мир забывает.

Застыли крылья-тени.
Дыхание огня
Согрело на мгновенье
Ее и, и меня.

Время, ты - птицелов,
И силки твои наготове,
Чтобы клинопись птичьих следов
Оборвать на последнем слове.

Стерты выюгою и забыты.
Кратковременна память снегов,
Лишь остались в Ассирии плиты
С клинописным посланьем веков.

Остаток дня сжигает вечер.
Исход времен уж предрешен.
И собирается на вече
Луны и звезд синедрион.

И как всегда тьма окружает
Звезд млечный караван.
И ночь по капле наполняет
Предутренний туман.

И ясность скрыта расстоянием.
Нет никого. Вдали,
Где не вечернее сиянье
Проложен путь Земли.

Часы.

После двенадцати все перемножено
На бесконечности - ноль.
Рукопись прошлого с книгами сложена
В старую антресоль.

Миропорядок остался нетронут,
Только часы с нуля
Стали отсчитывать. Канули в омут
Сутки, Млечностью звезд пыли.

Не задержали, ни на мгновение
Летопись дней и ночей.
Просто исполнили повеление
Мира ночных теней.

То пень, то колода -
Ухаб, буерак...
Трясется подвода -
Не виден большак.

Взъерошены копны
Соломенных крыш,
И глядя на окна,
Невольно грустишь.

Наверное, время
Шагнуло здесь вспять,
Чтобы затем я
Себя смог понять.

Поднимается донная взвесь
Под копытами черной лошади.
По ручью то там, то здесь -
Хлопья копоты.

И подковами отмель песчаная
Перемешана с пылью дорог.
В темном небе сквозь облако рваное
Виден месяца тонкий рог.

И таинственны всадников тени,
Исчезающие в дыму.
И гонитель этой черни
Неподвластен уже никому.

Он безумие за поводья
По ручью за собой ведет.
Замутилося мелководье,
Принимая тьмы исход.

Мы не нарушили молчанья
Наедине.
Ушло, ушло переживанье
Об этом дне.

Река впитала луч заката
В плес, в перекат,
И дня угасшего утрата
Разбилась о волны накат.

Фантом зари на небосклоне
Уже неуловим,
И месяц, как младенец в лоне,
Прошедшим не томим.

Все пережитое, дневное
На дне реки.
И небо тихое, ночное
Молчит. Мы далеки.

Бесконечность так зыбка,
Вроде счету дням нет,
Только вдруг на пергаменте свитка
Пустоты проявляется след.

Обрываются красные строчки,
Не начать уже все с нуля.
И уходим поодиночке
Мы в заснеженные поля.

Снега больше, все больше...
Остановка и точки следов
Обрываются. Дольше, дольше
Длится эхо стихов.

Ночная птица в испуге
Вспорхнула вдруг из-под ног.
Духа лесные слуги
В кривой затрубили рог.

В ночной затерялся я чаще,
По кругу леший ведет.
Все чаще и чаще
Мне не везет.

Пальцы кривые веток
Цепляются за волоса.
Взгляд полнолуния цепок,
Тьма не откроет лица.

Сбудутся все преданья.
Они сюда раньше пришли,
И их мирозданье
Нарушил я- сын Земли.

Безумие перехлестнуло.
По душу мою они -
Служители Вельзевула,
Придут, выходя из тени.

Хранит молчанье темнота.
Вот петли, скрипнув, замолчали.
Девятые врата
Меня встречали.

И как тогда - в начале
Съедал ступени мрак,
И прозвучали
Слова: «Да будет так».

Ворота на засове.
И здесь - не там
Ясли есть воловьи,
«И аз воздам».

Два месяца. В глубинах
Один речной воды, -
Другой в вершинах
Отвесных гор гряды.

И каждому о многом
Хочется сказать.
Один весь перед Богом -
Другого не достать.

Пересекутся взгляды,
Идущие ко мне.
Задумчивы триады
Средь звезд и в глубине.

На время все забылось,
И краток взгляда миг.
И в нем соединилось
Лицо, личина, лик.

Как будто прошлого не стало -
Свет в сумерках, стрекот цикад
И темень, что из пепла все создала
Вновь увлекает в свой Эдемский сад.

Опередив слова стать тенью
Невысказанных фраз.
И в перевоплощенье
Прожить от ижицы до аз.

Забыть про солнце на Востоке,
Про луч заката. Лишь луна
В туманно пепельном потоке
Сюда принесена.

И отражается сиянье,
Где обмелевший пережат,
Раскаянье, прощанье
Несет в страну утрат.

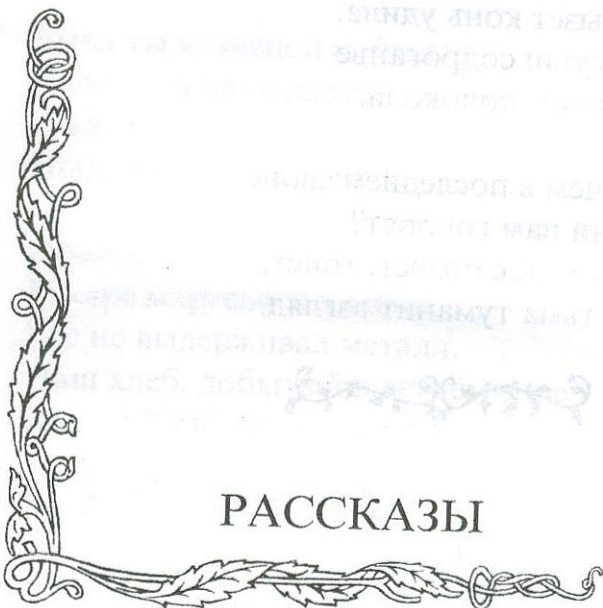
С ума сошедший слышит
Тот замогильный гул,
То громче, а то тише
Зовет всех Вельзевул.

Сорвались с места кони,
Их подстегнула смерть.
И стала преисподней
Незыблемая твердь.

Шум, голоса и ржанье -
Грызет конь удила.
И суши содроганье
Качнет колокола.

О чем в последнем звоне
Они нам говорят?
Их голос стонет, тонет...
И тьма туманит взгляд.

РАССКАЗЫ

Вишневая боль.

Вишневое дерево разрослось, и его молодые побеги заглушили все в округе. Место для дерева с самого начала было выбрано неудачно, предполагалось через год его пересадить. Прошло время - вишня стала плодоносить, и выкапывать ее стало жалко. С каждым годом все дальше и дальше от разрастающейся вишни переносились грядки. Еще прошлой осенью было принято решение убрать дерево, но рука так и не поднялась. И вот сейчас участь его была решена. Ствол дерева, окруженный трехлетними побегами, не подпускал к себе. Упругие ветви хлестали по лицу, но человека с топором остановить не смогли.

В этот год природа не поскупилась, и урожай для этих мест был на редкость богатый. И вот встречая свою осень, вишня стала никому не нужна.

От удара дерево вздрогнуло. Еще несколько взмахов топора - и на одну жизнь на планете Земля станет меньше. Только вот задумается ли кто об этом? При втором ударе топора лезвие дошло почти до середины ствола и расклинилось. Последняя бардовая ягода вишни так и не дождалась детской руки. Переспелая, она упала прямо на острый угол лезвия топора, вонзенного в ствол. Темный сок потек по отточенной до зеркального блеска стали. Сердце человека кольнуло, он замер. Дерево было живым, и его рана кровоточила. Рука, держащая топор уже была не так тверда, как прежде. Может быть, впервые он задумался о другой жизни. Но помаленьку чувство вины отступало и холодный расчет постепенно остужал сердце.

Дерево было срублено. Но что-то изменилось в человеке. Несколько молодых побегов были осторожно выкопаны и рассажены.

Первая школа.

В этот летний день, как всегда, порог старой одноэтажной школы переступили рабочие, но не ремонтировать, белить и красить, а разбирать мою первую школу. Из здания выносили столы, стулья, и все грузили в машины. Неподалеку возвышалось новое красивое, сделанное из кирпича и мрамора, здание школы. И вот сейчас, после переезда, будет разрушена одна из первых ступенек, по которым мы вступали в жизнь.

Я пришел проститься со своей школой, с уходящим веком и уже точно с ушедшей эпохой. Вот мой первый класс. Комната пуста. За окном все те же тополя, и их белый пух застилает землю. Здесь осталось только эхо, перекликающееся с памятью. Я бродил по пустым коридорам деревянной школы. И вдруг в подсобке завхоза увидел старые, исписанные надписями парты. Может здесь, под многочисленными слоями краски, есть и мой автограф. Вот самодельные шарниры, которые мы сами делали на уроках труда, став старшекласниками. А вот углубления для ручки и для чернильницы. Ох уж эти чернильницы-непроливайки – от них были кляксы на учебниках и руки выпачканы в чернилах. До сих пор в памяти остались уроки рисования с этой фантастической темой «Мир 2000 года».

Я уходил из школы в летний день двухтысячного года из моего прошлого. С щемящей болью в сердце я представил как будет вынут первый кирпичик моста между настоящим

и прошедшим. Пройдет еще время, и не станет дома, где прошло мое детство.

... Тем больше люблю собак.

Умирала собака, восточно-европейская овчарка. Сколько лет ей было – никто не знал. У нас она жила больше десяти лет и попала к нам случайно. В год распада Советского Союза погибла наша южно-русская овчарка, и мы искали щенка. Если вспомнить, то это было время, когда ежедневный рост цен вселил в людях неуверенность в завтрашнем дне, и многие задавались вопросом: «А по карману ли им держать собаку». И на улицах можно было встретить собаку любой породы. Вот тогда-то брат и привел овчарку, которая с радостью увязалась за ним. На шее у нее сохранился след от ошейника, возможно, ее держали на цепи. Она понимала некоторые команды: во всем ее виде чувствовалось благородство. Когда мы приносили пищу в вольер, она каким-то своим собачьим чутьем улавливала, что ее немного боятся, и уходила подальше от двери, словно бы говоря: «Да не бойся, я же все понимаю». Потом, когда пали барьеры первого знакомства, продолжала удивлять своим нежным отношением к человеку. Лакомство из моих рук она брала осторожно, одними губами.

И вот эта собака заболела. Постепенно стали отказывать задние ноги, дыхание стало тяжелым, двигалась из последних сил. Кто-то посоветовал выпустить ее на улицу.

-Зачем она тебе нужна.

Я ничего не ответил, лишь про себя повторял слова Сент-Экзюпери: «Мы в ответе

за тех, кого приручили».

Овчарка осталась. К тому времени во дворе жила небольшая дворняжка, и когда она начинала на кого-нибудь лаять, овчарка своим уже слабым голосом, еле двигаясь, поддерживала ее. В это время я спешил к ней, чтобы успокоить.

-Что ты, что ты - лежи, не беспокойся, друг.

За все время болезни она ни разу ни заскулила, лишь печально смотрела, говоря взглядом:

-Не переживай, хозяин, я хлопот не доставлю.

Сколько тысячелетий собака живет рядом с человеком, иногда душа в душу. Может, не только наша фантазия, наделяет четвероногих друзей человеческими качествами.

За порогом шестой палаты.

Оказаться за порогом палаты номер шесть можно и до смешного просто. В этот жаркий летний день, дело по розыску без вести пропавшего привело нас с напарником в психиатрическую больницу. Врач, когда-то лечивший пропавшего, оказался неординарной личностью. Небольшого роста, коренастый, с подстриженной налысо головой, он был помешан на спорте и в любую погоду по утрам совершал довольно большие пробежки.

После этого случая мы с ним встречались еще не раз. Он проработал в больнице много лет и пришел к убеждению, что здесь со временем становишься немного странным человеком.

Мой напарник вместе с врачом отправился в архив, а я остался один в коридоре. Мое внимание привлекла цифра шесть на дверях палаты. А если учесть, что я большой поклонник таланта Чехова, то неудивительно, что меня стало разъедать любопытство. Я тихонько приоткрыл дверь палаты и вздрогнул от раздавшегося за спиной баса,

-Ты куда?

Две огромные, как лопаты ладони, схватили меня за плечи. Санитар, огромный детина, был уверен, что делает все правильно. Первое, что пришло мне на ум - это: «Я не дурак».

-Все вы так говорите.

Железное резюме санитаря поставило точку в споре.

Я понял, разговор продолжать без толку и придется в палате ожидать врача. Санитар впихнул меня в знаменитую палату номер шесть и захлопнул дверь.

Внутренне я был готов ко всему. Вопрос маленького, ничем не приметного человека, сидящего на кровати, застал меня врасплох.

-Какое сочетание цветов самое красивое?

Я смотрел на него с удивлением и молчал.

-Белое и голубое создают цвет неба. Смотри на небо сердцем, а не глазами. Облака - это ступени к тем вершинам, где находится чаша Грааля. А еще, это цвет справедливости: ведь люди считают, что справедливость есть только на небе. Ох и странная штука эта справедливость. Порою так долго она спускается к нам на землю, что уже и не застает того, ради которого и спешила. Как мы можем понять небесное знамение, если не разобрались в самом себе.

Вот антихрист подбросил мне такую мысль, а может и впрямь оттого мы живем плохо, что часто просим Бога не за себя, а за других. Вся наша жизнь - это хаотическое метание между рассудком и сердцем. Рассудку такие слова непонятны. Подставь вторую щеку для удара - а сердцу толкования не нужны. Так обессиленный скитаниями бездомный котенок, найденный вами у порога дома, не бежит от вас, он подставляет для удара обе щеки. Кто ближе к Богу - человек, который порой не лучше скота или этот котенок, подставляющий вторую щеку для удара. Дрогнет рука и откроется сердце. Ведь ступени белых облаков рядом с нами. Только порой мы сами обходим их стороной.

Я стоял не проронив ни слова, и думал: «Кто ты, вечный обитатель палаты номер шесть? Ты не боишься своих мыслей, не боишься насмешек и ты веришь, что справедливость спускается к тебе по ступеням белых облаков».

За дверью раздались голоса и в комнату вошли врач и мой напарник. На одного человека в палате номер шесть стало меньше.

Фронтальная смекалка.

Как много рассказов и воспоминаний хранят больничные палаты! Волею судьбы в конце восьмидесятых годов я лежал в палате, рядом с бывшим главным редактором газеты. Человеком он оказался интересным, ну а рассказчиком - просто замечательным. Оставил ли он свои воспоминания на бумаге - я не знаю. Некоторые из его историй мне запомнились. Сам он был фронтовик, прошел всю японскую войну сорок пятого года. К японскому солдату сохранил уважение, несмотря на то, что бои были жесточайшие. А свой рассказ как опыт фронтового разведчика пригодился в наши дни. Он начинал с небольшой предыстории.

- Лет десять назад у меня на груди появилась сыпь. Все мои походы по врачам, лежания в больницах ни к чему не привели. Болезнь не проходила, и точный диагноз не могли установить. К тому времени моя дочь получила диплом в медицинском вузе, она перелопатила гору специальной литературы. Все тома БМЭ. Установила, что это очень редкое заболевание, и, к счастью не заразное. А единственный человек в нашей стране, кто лечит эту болезнь, работает у нас в Новокузнецке профессором в клинике ЗапСибя. Я отправился туда, но так как к металлургии ни с какого бока отношение не имел, меня записали в очередь и назначили прием через год. Пробыться к профессору официально было невозможно, научная работа забирала все время. Мос

заболевание он лечил, собирая редкий только у нас растущий сорт полыни. Цветки полыни засушивал, делал сигарки, раскуривал их и пеплом прижигал сыпь.

И вот, что бы попасть к нему, мне и пригодился фронтовой опыт. Свою дочь я попросил принести медицинский халат и головной убор. Одел белую рубашку, свой лучший костюм, дорогой галстук. В туалете клиники переоделся в медицинскую форму и пошел искать профессора. На вахте, увидев меня, встали и поздоровались: «Здравствуйте, доктор». В коридорах медицинский персонал меня почтительно приветствовал. Дверь в кабинет профессора была открыта, он ждал врачей из облздрави. Встретив меня он стал рассказывать о клинике. Когда же я объяснил в чем дело, то он смутился, но человеком он был добрейшим вошел в мое положение и сказал: «За вашу смекалку буду лечить». Вот так опыт фронтового разведчика пригодился в мирное время.

Ослик.

Всего на несколько дней случай свел меня с интересным рассказчиком. О нем я говорил в предыдущем рассказе. В один из вечеров речь зашла о животных, и он вспомнил удивительную историю из своего детства.

- Итак, все по порядку. В начале тридцатых годов наша семья перебралась в Туркестан. В небольшом поселке мы снимали одну комнату в стареньком, вросшем в землю домике. Стояло лето, и все время было мос. Недалеко от дома находилось озеро, где я и пропал, но не один, а с маленьким хозяйским осликом, с которым подружился.

Окно в комнате располагалось почти у самой земли. И по утрам в открытую форточку ослик просовывал свою мордочку, зовя меня на улицу.

В этот день, как обычно, мы с ним пошли на озеро, но не на привычное место, а чуть подальше, где росла густая и сочная трава. Приближался полдень; солнце пекло нещадно, и я с радостью полез в воду. Это место было мне незнакомо. Дно оказалось скользким, глинистым, поскользнувшись, я с головой ушел в вымоину.

Людей поблизости не было - только мой лопоухий приятель щипал травку. Плавать я не умел и суматошно барахтался в воде, и когда оказался на поверхности единственно, что успел - крикнуть друга. Страх и испуг заставляли меня из последних сил руками и ногами бить по воде. Когда я вновь оказался на поверхности воды, то

увидел хвост ослика. Я вцепился в него - мой друг рванулся и спас меня. Я лежал без сил на песке, а мой спаситель лизал мне щеку.

Дома я все рассказал маме, но она не поверила, усадила за стол обедать. Тогда я встал, взял свою тарелку каши и, выйдя во двор, стал угощать своего друга. И мама мне поверила.

Простушка.

В один из вечеров разговор зашел о гадании, гадалках, ворожбе. И как-то так логически незаметно перешел на тему цыганок, занимающихся гаданием на улицах. Наша гостья рассказала интересный и поучительный случай, что произошел с ней.

- Однажды днем я возвращалась домой, начала она рассказ. В кошельке было всего двадцать рублей. Невдалеке стояло несколько цыганок. Решив, что к ним идет очередная простушка, они устремились ко мне. Стали одаривать всевозможными комплиментами, чем впрочем, меня не удивишь. Но здесь одна гадалка, (умеют же они это делать) с каким-то сиянием на лице, вдруг бросилась ко мне.

- Счастливая, счастливая, а счастья своего не знаешь, мимо пройдешь, и уплывет оно от тебя.

Прекрасно зная все уловки цыганок, я все же остановилась.

- Позолоти ручку - все расскажу.

Уже не отпускает меня гадалка.

- Да у меня и денег нет, вот кошелек пустой. Зачем-то я показала цыганке кошелек. И гадалка легким, молниеносным, едва уловимым, движением руки вытаскивает мои последние двадцать рублей. Денег было не жалко, но самоуверенная наглость меня разозлила. Все мои просьбы отдать деньги никакого эффекта не дали. Сама, еще не осознавая, что делать, я отправилась в милицию. Не знаю, откуда

взялось столько слез. В дежурной части меня долго успокаивали, прося рассказать, что произошло. Дежурный отправил участкового инспектора, капитана милиции, во всем разобраться на месте происшествия. Цыганки по-прежнему стояли на старом месте. Подойдя к ним, я указала на молодую цыганку:

- Вот она взяла триста рублей.

Гадалка опешила. Сразу достала двадцать рублей, стала уверять, что больше не брала. Я прижалась к капитану и плача твердила про триста рублей. Капитан милиции - человек тертый и знающий всю эту гадающую публику донага решительно сказал:

- Или вы вернете деньги, или я вас здесь больше не увижу.

Гадалка отдала деньги, процедив сквозь зубы угрозы.

Прошло три дня, и я по привычке шла этой дорогой. Впереди стояли опять те цыганки, но на этот раз, увидев меня, они, не сговариваясь, перешли на другую сторону улицы.

Мертвая вода.

Раньше я считал, что исцелять раны с помощью мертвой и живой воды можно только в сказках. Но один случай навел меня на размышления о том, что есть мертвая вода.

Обычный спиртосодержащий раствор, применяемый для обеззараживания ран, вряд ли подойдет под это определение. У нас все это пьют и умирают редко, и то когда хлебнут через край.

Дядя Миша (царство ему небесное) после этой истории прожил еще три десятка лет. В жаркую пору уборки урожая он довольно глубоко поранил ногу. В больницу обращаться не стал, понадеялся на наше «авось». Рана не заживала, и когда стало совсем худо - пришлось обратиться к врачу. Хирург был удивлен таким безответственным отношением к своему здоровью. Несмотря на все его усилия, диагноз звучал как приговор - гангрена. Жена, услышав про это, сразу забрала мужа домой. Перед тем как отрежут ногу, она решила лечить старым, можно сказать, сказочным способом. С помощью мертвой воды.

Из сильнейшего яда сурьмы был приготовлен раствор и им обработана рана. Через некоторое время рану промыли живой водой, настоем каких-то трав. Через месяц дядя Миша на удивление врачам на своих двоих явился в больницу за бюллетенем.

Чечен.

На эту встречу Владислав попал случайно: его вместе с женой пригласила к себе соседка, решившая отметить внезапный приезд брата, вернувшегося из командировки в Чечню.

Разговор за столом шел о горячей точке, и кто-то из гостей спросил офицера:

- Так Чечня-это Россия?

- Да, конечно, Россия. - Уверенно ответил военный.

- А вы согласились бы там жить? - Любопытствовал гость.

- Нет, никогда, прозвучал лаконичный ответ. После этого Владислав уже не слушал, о чем продолжали говорить за столом, он вспоминал свою службу в армии.

От природы он не был обделен силой. И с шуткой, рассказывая о драке на танцах, говорил, что своему «оппоненту» погнул жбан. Вот за такой погнутый жбан он и попал перед армией в следственный изолятор, где ему пришлось в популярной форме объяснять своим сокамерникам, что он человек и шутить с ним не следует.

После побывки в таком месте неудивительно, что призвали его в строительные войска. Да и профессия была по этому профилю. Пройдя карантин, его в первый же день службы отправили на доделку крыши двухэтажного здания. Работу свою он знал, и по привычке сразу стал готовить строительный раствор. Оглянувшись, он увидел, что пять человек, с кем ему придется

выполнять наряд, работать и не думают.

Это были южные парни, и до конца службы им оставался месяц. И по их мнению слова «армия - труд коллективный» к ним уже не относились. Но у Владислава на этот счет было свое, еще гражданское мнение. На предложение вместе сделать работу, южане стали красноречиво объяснять молодому бойцу, кто он такой. Вот коса и нашла на камень. Лом, торчащий в застывшем растворе, был выдернут как из воды. Такой аргумент действует убедительно.

Высота второго этажа - ерунда по сравнению с высотой Кавказских гор. Случайные зрители удивлялись, как вальяжные дембеля с невероятной прытью покидали крышу.

Вечером, после отбоя, в казарму ворвались земляки обиженных дембелей. Единственно, что успел сделать Владислав - это выхватить у дневального штык-нож. Терять ему было нечего, и для себя он твердо решил ударить первым. К тому же землячество поснимало весь инструмент с противопожарного щита. Развязка неумолимо приближалась.

И вдруг кто-то негромко, но решительно сказал: «Кто его тронет - будет иметь дело со мной». Это был чечен, которого солдаты звали Миша. Несколько минут землячество совещалось на своем языке. Чеченцев в части было немного, но враждовать с ними никто не хотел. Инцидент был исчерпан.

И вот сейчас, он, Владислав, что мог сказать себе и этому офицеру, потерявшему в Чечне своих товарищей - он не знал.

Чернокрылые нахалки.

Румяная клубника таяла под солнечными лучами. Александр Иванович, вернувшись из огорода, обратился к жене.

– Катя, подай какую-нибудь посуду, я соберу ягоду.

Супруга в это время уговаривала своего любимчика, сибирского кота Пушка.

– Покушай, ну покушай рыбки.

С клубникой она про себя уже решила что делать и ответила, как бы спрашивая.

– Может, оставим до утра, а утром сделаю клубнику со сливками. Как человек весьма далекий от кухни в гастрономических вопросах, Александр Иванович всегда соглашался с женой.

Утром Катерина вышла в огород собрать свежей клубники. Пройдя по всем грядкам, она собрала всего несколько спелых ягод. Неужели все-таки, он собрал клубнику, и она приготовилась бранить мужа. Супруг то же был немало удивлен, что в огороде кто-то побывал.

Теперь у Катерины прибавилось забот. Она не спускала глаз с клубничных грядок. Спать легла, когда в темноте растворились растущие у забора кусты вишни. Первые лучи солнца она встретила в хлопотах по хозяйству.

Конечно, первая мысль пала на мальчишек с улицы. Но то, что увидела она, взглянув в окно, удивило. Несколько огромных ворон, нимало не смущаясь, разгуливали по ее грядкам. Осторожно клювом поднимали листья. Выбрав самую спелую ягоду – съедали. Терпение хозяйки

было вознаграждено. Воровки обнаружены. Решив проучить этих нахалок, Катерина тихонько приоткрыла дверь и выпустила кота, большого мастера по ловле домашних цыплят. Пушок, пригнувшись, пополз за добычей.

Но процесс по обчищению клубничных грядок был поставлен с умом. Сидевшая на карауле ворона прокаркала, сигнализируя об опасности. Только улетать птицы не собирались. Нахохлившись, подняв в стороны крылья, они решили дать коту бой. Такой наглости хозяйка стерпеть не смогла. Схватив швабру, она выскочила в огород.

Язык птиц нам непонятен, но то, что сидевшие на ветках соседнего дерева вороны своим карканьем промывают косточки коту и его хозяйке - было ясно без перевода.

Последний первый бой.

Лодка уткнулась носом в берег. Первым на песчаную отмель выпрыгнул связист, вслед за ним поспешил безусый паренек в новенькой гимнастерке. У борта лодки сидели четыре собаки и с нетерпением смотрели на него. Услышав команду: «Ко мне» - они спрыгнули в воду и с шумом выбежали на волжский берег. Майор Краснов, под чьим командованием последние два десятка солдат удерживали этот клочок берега, еще издали бросил:

- Связь есть?

- Так точно, товарищ майор, - выпалил связист. В лодке больше никого не было, майор словно говоря с самим собой протянул: «А где же противотанковое отделение». Связист, держа в руках телефонный аппарат, кивком головы показал на прибывшего солдата и четырех псов.

- Да вот же оно, а ящик с минами в лодке.

- Рядовой Братцев, - доложил солдат.

Собаки против танков? Краснов по этому поводу хотел вставить крепкое слово, но вспомнив вчерашний бой, промолчал. Эти псы, обученные ползти под танки с грузом смерти на спине, сейчас дороже может быть, и его жизни.

Махнув рукой, он взял трубку телефонного аппарата. Разговор со штабом армии был короткий. Артиллерийская батарея подойдет к вечеру, и им нужно продержаться любой ценой этот день.

В единственно уцелевшем блиндаже собаки,

уоставшие с дороги, улеглись в углу за дверью. Задача, поставленная рядовому Братцеву, солдату, еще не нюхавшему пороха, была до предела проста: четыре танка должны быть уничтожены.

От разорвавшегося снаряда с потолка блиндажа посыпалась земля. Собаки, подняв уши, посмотрели на своего хозяина и успокоились. Дворняга, пес по кличке «Добрый», поднялся и подошел к сидевшему на ящике из-под мин майору и подал ему свою лапу. Краснов, взглянув в глаза псу, чуть дрогнувшим голосом сказал: «Ну, братец, не подведи».

- Танки, - разнеслось за дверью блиндажа. Собаки стали тревожно втягивать в себя воздух.

Из танковых прицелов была видна Волга. Рыча «тигры» ползли к реке в полной уверенности, что нет никакой силы, способной их остановить. Собаки были обучены хорошо. Прогремело три взрыва, три груды крупновского металла дымились. Четвероногие бойцы не знали слова подвиг.

На дне воронки, прижав к себе последнего пса, лежал солдат. «Добрый» лизнул ему щеку, и неясно было, кто кого успокаивает. Экипаж четвертого танка уже знал, откуда ему угрожает опасность. «Тигр» продолжал двигаться вперед. Погладив собаку по голове Братцев крикнул: «Добрый», ползи». Собака ползла прямо под танк. У солдата защемило сердце, и ему показалось, что если на свете есть Бог, то сейчас он смотрит на «Доброго». Танковый пулемет застучал в предсмертном ужасе. Свинец обжег собаку, «Добрый» заскулил. Не раздумывая солдат

рванулся на зов друга.

- Куда, куда, - Кричал майор Краснов и схватив бутылку с зажигательной смесью побежал по окопам в сторону танка. «Добрый» тяжело дышал, когда солдат подполз к нему. В глазах собаки не было боли. Только на знакомом ему, Братцеву, языке пес говорил: « Прости, хозяин, я не могу выполнить твою команду».

Черная громада танка надвигалась прямо на него. Солдат прижал к себе «Доброго» и пополз под брюхо «тигра».

От взрыва сдетонировали снаряды в башне и обезглавленный «тигр» сполз в воронку. Атака захлебнулась.

Потом в штабе майор Краснов, заполняя посмертное представление к наградам противотанкового отделения, в графе количество личного состава поставил цифру пять.

Шахтерская быль.

За те несколько месяцев, что Евгений работал на шахте, только сейчас, сдав экзамены на проходчика, он почувствовал себя настоящим шахтером. Хотя сразу после службы в армии он собирался уехать в Находку, в мореходное училище, но желание увидеть родной дом взяло верх. А здесь, в отделе кадров шахты предложили хорошие подъемные при устройстве на работу, и море осталось только мечтой.

Волею случая попал он в «морское» звено. Его товарищи вызывали в нем тот романтический восторг, которым овеяны рассказы о море. Михалыч, звеньевой, по молодости лет сменил несколько морских специальностей и побывал на разных кораблях почти во всех портах Приморья. Как юнга смотрит на морского волка, так и Евгений смотрел на Михалыча, когда он вспоминал о Сахалине, Курилах или Шикотане. Сергей тоже, как и он - проходчик. Уже несколько лет проработал вместе с Михалычем в одном звене. Он три года отдал Северному флоту, неся службу на подводном ракетноосце. За время службы совершил несколько дальних походов. Среди них кругосветное плавание, побывал во Вьетнаме и в Индии. А его рассказы о жизни на подводной лодке во время несения боевого дежурства, особенно те, где речь шла о выдаче во время обеда бутылочки вермута с красной икрой, и как они ухитрялись бутылочку поочередно делить на двоих, Евгений сравнивал со своей армейской жизнью. Вспоминал, как на

обед повар из одного и того же котла на первое наливал пожиже суп, а на второе погуще рагу.

Бригада, где работал Евгений, план выполняла редко, а здесь шахте срочно понадобился вентиляционный штрек, который они проходили. Не хватало воздуха для запуска новой лавы, и главный инженер шахты пообещал закрыть при перевыполнении плана по восемьсот рублей. Что ж, если учесть, что за прошлый месяц они получили всего двести пятьдесят рублей, то работать было за что. До вентиляционной скважины оставалось метров пятьдесят, когда угольный пласт раздвоился. Основной шел по-прежнему горизонтально, а другой, чуть потоньше, уходил вверх. В спешке по верхнему пласту и стали продолжать выработку.

Эта ночная смена была предпоследней. Михалыч в этот вечер встретил своего старого друга, конечно хорошо посидели. И на участке от него несло самогоном, хоть закусывай. Помощник начальника участка, поморщившись, дал наряд: «Режьте побольше, если не успеете закрепить, доделает первая смена».

В забое было жарко: Михалыч выпил всю воду и жаловался: «Колосники горят». На последнем круге коронка вошла в грудь забоя на весь «телескоп». Это адская смена кончилась, — думал звеньевой, и вдруг с каким-то стонущим ревом хлынула вода. С двух сторон двадцатитонного комбайна вода несла сгнившие стойки и шпалы. Сергей с Евгением чудом успели ухватиться за гидрошланги. Сергей, промокший до нитки, чертыхался: Евгений же был уверен в своих старших

товарищах и не воспринял опасность всерьез. Поток воды потихоньку ослабел. Михалыч, еще не отойдя от происшедшего, пробормотал: «Ну, хлебнул водички». Вода перестала прибывать. Проходческий комбайн стоял наполовину затопленный. Светильник Сергея горел не так ярко, но зеркало воды, обрезанное кровлей, видно было хорошо. На разбитых часах стрелки застыли на цифре пять.

Предутреннюю тишину города нарушили сирены машин ВГСЧ. Воздушный мешок оказался не очень большим, но дышать поначалу было легко. Осмотрев дыру в груди забоя, им стало ясно: наткнулись на старую выработку. Кислорода становилось все меньше. Вскоре Михалыч стал клясть тот день, когда стал шахтером. Сергей почему-то вспомнил вчерашний сон, в котором он тонул на подводной лодке.

Дышать становилось все труднее: никто не думал, что Михалыч сломается. Когда у перегружателя вынырнул аквалангист, он набросился на него, стал вырывать у него загубник. С большим трудом втроем его успокоили. Чуть погодя, горноспасатели доставили три акваланга, и все звено выбралось из плена. На горах клеть со спасенными встречали директор шахты и парторг, председатель общества трезвости. Он держал банку спирта и три стакана. Директорская «Волга» ждала их на улице. Михалыч сразу взял отпуск, и больше на шахте его не видели. Евгений с Сергеем связали свою жизнь с проходкой, ведь это обычная работа - ничего героического.

Древнекитайская притча.

Два крестьянина из провинции Джан шли домой по раскисшим от дождя дорогам. И каждый из них в своих размышлениях строил дорогу - большую, мощенную камнем, проходящую рядом с его домом. Основатель поднебесной жалился над крестьянами, послал с фортуной им золотые монеты. Богатство прирастало, и можно было претворить свои мечты в жизнь. Первый крестьянин так и сделал.

Широкая каменная дорога пролегла рядом с его новым домом. Второй крестьянин был ослеплен золотом, он посчитал себя равным императору. И захотел тишины у своего дома. О своей мечте он забыл, и каменная стена перегородила недостроенную дорогу. Никто не мог пройти мимо дома гордеца. Блеск золота слепил всех, и даже начальник провинции Джан, уткнувшись в преграду на дороге, стал громко бранить кучера за неправильно выбранный путь.

Прошло время, и основатель поднебесной, листая книгу памяти, нашел там имя лишь первого крестьянина. Вот так один видит в золоте свою мечту, а другой самого себя.

За кулисами сновидений.

Сон уходил, сковав руки и ноги тяжестью пробуждения. Я проснулся от легкого, воздушного шлепка по плечу. Все еще борясь с сонливой усталостью, я чуть приоткрыл глаза. Лунный свет отражался от зеркала, и стало ясно, в комнате никого нет. Но почему-то не уходила уверенность, что меня кто-то тронул по плечу. И здесь я услышал голоса: эти два тонких, неземных голоса, казалось, слышал не я, а моя душа. В них была какая-то недоступность бело-голубой вышины неба. И вот сейчас, в самом сердце ночи, стоит мне прислушаться, и я пойму, о чем говорят там, откуда нет обратной дороги. И в это мгновение я с решительностью человека, вернувшегося оттуда, закрыл глаза. Не страх, а опыт, знание всех, кто открывал дверь в никуда, говорили мне: ты не должен знать, о чем идет разговор. Я уходил в сон, и его спасительная легкость несла меня к утреннему пробуждению.

Весь день я думал о прошедшей ночи. Меня съедали сомнения: правильно ли я поступил. Вновь любопытство брало верх: а что же все-таки там?

На следующую ночь я видел странный сон. Я управлял им, зная, что это сновидение. И вот когда я увидел пропасть и над нею натянутый канат, тогда появилась эта уверенность человека, побывавшего в будущем. Я знал, что не разобьюсь, но это падение будет продолжаться вечно: ведь пропасть бездонна. Это не бессмертие - это вечный сон.

Опыт Нострадамуса.

1

«Виллис» остановился у монастырской ограды. От зияющих ран, развороченных снарядами склепов, от разрушенных древних зданий тянуло холодом. Прибывшие офицеры поежились. Начальник дивизионной разведки показал рукой на сохранившуюся часть, по-видимому, какой-то пристройки к костелу и сказал: «Здесь была библиотека, а рядом церковь, где и собрались монахи, когда их накрыло прямым попаданием бомбы».

Офицеры остановились у дубовой, окованной железом двери.

- За такой дверью как за каменной стеной, - проговорил капитан, служивший переводчиком в штабе, и заглянул в огромную дыру в каменной кладке. Дверь на удивление отворилась легко и без скрипа. Помещения хранили следы панического бегства расквартированного здесь штаба противника. Генеральская шинель, мебель из красного дерева, большой сейф с золоченым орлом. Этот сейф и привлек внимание офицеров разведки. С помощью саперов открыли его массивную дверь. Внутри лежало золотое распятие и кожаная папка с документами.

Кто-то из офицеров, найдя несколько старых монастырских книг, сказал: «Ох и толсты эти поповские книги. Прямо как наша деревенская попадьа». Капитан, услышав про книги, подошел и взял в руки первый фолиант с золотым тиснением. Позабытым теплом повеяло от этой

неизвестной ему книги. Он вспомнил Томский университет, свою библиотеку и книжную лавку. Ведь там впервые увидел свою будущую жену.

Раскрыв книгу, взгляд остановился на имени автора – Мишель Нострадамус, и он вспомнил голос жены, ведь она его тоже звала «Мишель». Неожиданно эта книга стала самой ценной вещью, напоминающей ему о семье и о далеком доме. Так бесценная находка, завернутая в отрез парашютного шелка, была с ним до конца войны.

Прошло более полувека. Книга пережила очередного хозяина, и завернутая все в тот же отрез шелка, лежала на дне старого сундука. Внук – непутевый малый, похоронив стариков, за несколько месяцев умудрился пропить все. И в это утро единственным его желанием было найти хоть что-то, что можно было продать. Увидев в чулане сундук, он стал выбрасывать из него старые вещи. Развернув белый кусок материи, он нашел книгу. Внимание его привлекло золотое тиснение. В надежде продать ее он поспешил в книжный магазин.

2

В это раннее утро Александр проснулся от стука в окно. Подниматься он не спешил: мысли вертелись вокруг альбома «Рисунки старых мастеров», и для себя он уже решил купить эту книгу. В этом альбоме заинтересовал рисунок, даже скорее набросок рисунка неизвестного художника пятнадцатого века. На нем был изображен подсвечник в виде тонкой фигуры девушки, несущей на плече кувшин. Точно такой

же светильник был и у него.

Взглянув на стол, где стояла эта статуэтка, он зажмурился. Первый луч солнца заглянул в окно, и халколиван казалось, не просто играет лучами, а сам излучает свет. Александр вспомнил, как нашел его на чердаке соседнего дома. Вход на крышу был забит и он искал что-нибудь поувесистее. В руки попался кусок металла, залитый парафином. С краю застывший парафин отлетел и видны были латинские буквы. Это и заинтересовало его. Чем больше он счищал копоты и нагара, тем больше восхищался находкой.

Знакомый антиквар, увидев у него дома этот подсвечник, просто потерял дар речи. Придя в себя, он произнес: «Запомни, если будешь ее продавать: - то только мне». Попросив подождать, он исчез. Вернулся через полчаса, неся в руках сверток. И вот когда на столе появилась вторая точно такая же фигурка, пришло время удивляться хозяину драгоценной находки. Фигурки стояли друг против друга, и казалось, что это просто одна отражается в зеркале. Смотри, - сказал антиквар - все их отличие лишь в том, что у твоей кувшин на правом плече, а у моей на левом. Эти подсвечники стояли на столе великого Нострадамуса. Сейчас много появилось подделок, но любой сплав со временем тускнеет, а этот халколиван как будто бы вбирает в себя солнце, и начинает дарить свет.

С того дня, как Александр стала известна история этой статуэтки, прошло больше десяти

лет. За это время сбылись последние предсказания Нострадамуса. И вот в это утро, разбуженный странным стуком в окно, Александр отметил про себя странность. Подсвечник сиял, излучая слепящий свет. Поставленное рядом с ним зеркало создавало эффект присутствия второго светильника Нострадамуса.

3

Альбомы по искусству как самые дорогие издания стояли на больших полках, расположенных рядом с кассой. Еще раз перелистывая «Рисунки старых мастеров», Александра заинтриговали слова кассира: «В таком состоянии даже старые книги мы не принимаем». У прилавка стоял невзрачного вида молодой человек, держа в руках книгу в потрепанном полукожаном переплете. Огорченный отказом, молодой человек вышел из магазина. Не раздумывая Александр поспешил за ним. Цена, равная стоимости бутылки водки, устроила продавца, и книга обрела нового хозяина. Мягкая кожа переплета коснулась ладони — Мишель Нострадамус, 1551 год. От этой магии слов и цифр перехватило дух. В руках книга, о которой он не мог и мечтать. И уже дома, за столом, внимательно разглядывая книгу, его так и не отпускала мысль о странном совпадении года издания и года, когда книга попала ему в руки 2002. Симметрия этих чисел заставляла искать ответ в знаниях, лежащих за пределами науки.

За окном темнело, и где-то там, у горизонта,

мигнули всполохи надвигающейся грозы. Ветхий фолиант, лежащий на столе, нуждался в реставрации, картон обложки стал расслаиваться. Решив склеить картон обложки, Александр раздвинул расслоившуюся обложку и увидел внутри уголок белого листа бумаги. Внезапно электричество отключилось. Завороженный своей удивительной находкой, Александр машинально сунул руку в ящик письменного стола, откуда он вытащил надломанную церковную свечу. Ее-то, установив на бронзовый подсвечник, он и зажег. Пламя отразилось в стоящем рядом зеркале, и два светильника Нострадамуса ярко осветили комнату.

Из обложки был осторожно вынут сложенный вдвое лист белой бумаги. Внутри его лежал засохший лист неизвестного растения, по форме напоминающий человеческую ладонь. Положив свою левую руку рядом с зеленым листом, Александр, вздрогнул. Стрелки зеленого листа повторяли точь-в-точь все линии его ладони. Кровь ударила в лицо; в висках застучало. Непроизвольно он перевернул лист растения, другая сторона была ярко-бардовая. И уже линии ладони правой руки совпадали полностью со стрелками странного листа. Вдруг страх овладел им. Он был уверен, что за входной дверью квартиры кто-то есть. Из прихожей донеслось металлическое дребезжание. Это дребезжал старый, массивный дверной крючок. Он подскакивал в пробое и, казалось, вот-вот - и слетит. Взглянув в зеркало, он увидел, что свеча

догорела до конца и уже готова погаснуть.

Александр стоял на пороге безумия. И тут он заметил, в отличие от своего отражения в зеркале, свеча, стоящая на столе, была лишь чуть оплавлена. Застывший маятник часов приковал к себе взгляд. Время остановилось. Рука потянулась к обложке, и книга была закрыта. Дребезжание прекратилось, еще мгновение — и часы пошли.

Стало светать. Погасив свечу, он с книгой отправился к своему другу букинисту. Друг, собиратель и ценитель редких книг, не очень обрадовался столь раннему приходу гостя. Но увидев книгу Нострадамуса про все забыл. Глаза его загорелись, изумленный, он листал ее страницы. Рассказ гостя о проведенной ночи не удивил слушателя.

На потолке комнаты, где находилась библиотека букиниста, были несколько странных знаков. Только посвященный знал, что точно такие же пентаграммы есть на потолке Публичной библиотеке в Петербурге, в помещении с древними манускриптами по оккультизму, магии и кабалистике. В Петербургском хранилище книг эти знаки нанес Владимир Одоевский для усмирения тех сил, что хранят в себе книги.

Заметив в углу листа, найденного в обложке, маленькую пентаграмму, букинист все пытался расшифровать ее. На всякий случай он попросил Александра завещать книгу ему. Зная, что прошедшая ночь может повториться, он рассказал об опытах, которые проводил

Нострадамус и повторил его фразу: «Будущее может увидеть только душа».

Последний владелец книги Нострадамуса с нетерпением ожидал ночи. На столе стояло зеркало и подсвечник. Недогоревшая свеча зажжена, оныг повторился. Лист неизвестного растения поднесен к огню. Белый дым повторил в воздухе ту неразгаданную пентаграмму. Это был знак смерти, глаза закрывались, и только рука что-то торопливо писала, стрелки часов сорвались с места.

4

На следующее утро уже букинист спешил домой к Александру. Дверь в квартире была приоткрыта. В глаза бросился оплавленный крючок, качавшийся на дверном пробос, казалось, что уходя кто-то задел его. В квартире везде были следы векового забвения. Толстый слой пыли покрывал все вещи, кроме книги и лежащего на столе листа бумаги. Взглянув на этот исписанный лист, знаток древностей сразу узнал почерк Нострадамуса. На кресле находилось высохшее тело старика.

Водоворот тьмы.

Наше детище, четырехместный катамаран, был собран, и в моем гараже не осталось свободного места. Для сплава по горным рекам нужна особо прочная конструкция, и каркас, собранный из титановых трубок, вызывал зависть у товарищей по клубу. Как Федор на своем оборонном предприятии смог его изготовить, а потом вынести - мы могли только догадываться. Вопросы, где испытать катамаран, не было. Еще по зиме Николай Иванович, руководитель секции водного туризма, предложил сплав по небольшой речушке, затерянной в горах Алтайского края. Да и повод для ее посещения был серьезный. На этой реке в прошлом сезоне погиб член нашего клуба Сергей Ивин. Тело его так и не нашли, и предполагалось на месте гибели, на скале, установить памятную доску. К тому же на этой реке собирались возводить плотину, и этот маршрут вскоре исчезнет с наших карт.

Геологи уже с ранней весны обживали этот медвежий угол. Николай Иванович договорился с начальником авиаотряда. Вертолет доставит нашу четверку в забытый Богом поселок в верховьях реки. Тогда такие дела решались просто. Не прошло и недели - и вот мы в начальной точке своего маршрута.

Поселком оказались два десятка ветхих, как сама жизнь, домов. По опыту прошлых экспедиций мы запаслись нашей советской валютой, и за литр водки ночлег был обеспечен. Столетний, выросший по окна в землю, дом стоял

на отшибе селения, почти в самом лесу. Хозяин на радостях куда-то исчез. Хозяйничать пришлось самим. Электричества не было, и мы с удивлением обнаружили, что комната освещается лучиной. Стол и скамейки были сделаны без единого гвоздя. Закопченный чугунок отодвинут на край стола и по старенькой карте еще раз сверен маршрут. Место, где погиб Сергей Ивин, было в самом верховье этой поровистой реки – там, где она делает небольшой поворот. Мы решили сначала пройти это место на катамаране, а потом вернуться берегом и установить на скале памятную доску. Далеко за полночь вернулся хозяин дома. Он ввалился в комнату навеселе. Речь его соединяла неведомый нам язык и слова, известные всем народам Союза, которые не нуждаются в переводе. Как ни странно, но мне показалось, что он жалеет нас. Весь следующий день ушел на проверку и подгонку снаряжения. Несмотря на июнь, было довольно прохладно. Горячий чай, приготовленный здесь же, на походном примусе, а может коньяк, добавленный в чашку, разговорил соседку, заглянувшую к нам на огонек. Суховатую, низенького роста старушку со странным амулетом или оберегом в виде бус из клыков белого и черного цвета. Этот божественный напиток привел ее в восторг. Но узнав, что мы собираемся покорять реку, ее настроение переменилось. Для нее геологи, строители и мы были людьми одного мира. Она с грустью говорила про строительство плотины. Реку нельзя перегораживать – она погибнет и уже никогда не отпустит всех, кого забрала себе.

Перед уходом она подошла ко мне и тихо сказала: «Ты вернешься с реки не один». Тогда я не обратил на эти слова никакого внимания.

Проводник из поселенцев вывел нас к месту, откуда будет брошен вызов реке. Через час наш катамаран то взлетая, то приседая, несясь подхваченный бурным течением. Все было привычно, но когда наше детище налетело на валун, встав на дыбы - сердце все же екнуло, но грузно перевалившись через преграду, катамаран понесся дальше. У всех промелькнула одна мысль, мы заметили пугающую странность, река ничем не выдала преграду, привычного в таких случаях буруна не было. Я поежился, предчувствуя недоброе. Впереди был самый опасный участок верховья. Там, где она делает поворот, в скале, образовалась длинная горизонтальная расщелина, и река неслась под скалой. Не сговариваясь, мы гребли во все лопатки подальше от этого гиблого места. Новая преграда оказалась еще коварней. Баллон подмною охнул, и я оказался по грудь в воде. Рука вцепилась в титановый каркас, и казалось, никто не оторвет меня от него. Но неожиданно, какая-то неземная сила рванула так, что затрещали кости.

Подводное течение крутило, вертело мною как хотело. О подводный камень разбито плечо, и на мгновение я потерял сознание. Спасательный жилет все же вынес меня на поверхность воды. Огромная глыба скалы, как крышка, накрыла беснующийся поток. От удара каменного навеса шлем сполз на глаза. Река

затягивала под скалу. При каждом ударе шлема о каменную кровлю я уходил глубоко в воду. В какой-то момент уже стало безразлично, куда несет мою душу течение. Шум нарастал и перешел в грохот. Силы иссякли, и я провалился в темноту.

Сладкая боль возвращающегося сознания разлилась по телу. Могильное безразличие не спешило уйти. Сквозь дремоту слышались голоса:

- Он здесь.

- Он с нами.

Сейчас в этом мире ничего тяжелее моего тела не существовало. Даже веки налились такой тяжестью, что их невозможно было поднять. Жилет сдавил грудь, рука кое-как дотянулась до шлема. Открыв глаза, я не почувствовал никакой разницы. Кругом простилалась тьма.

Звук упавшей в воду капли вывел меня из отрешенности. На этот звук я и поплыл. Дно появилось неожиданно, словно это был выступ или ступень. Наконец-то под ногами появилась опора, но не сделав и двух шагов я с головой ушел в воду. «Что это было, а может кто был?» - этот вопрос придал сил.

Тонкие, упругие ленты водорослей говорили о приближении берега. Ноги коснулись дна скользкого и глинистого. Дно незаметно стало пологим берегом. Опора была зыбка. Казалось, там под тонкой оболочкой, лежит студень. Я раздумывал: «Куда же идти?» Неожиданно мои раздумья прервал голос из тьмы.

- Ну вот, мы и встретились.

Где-то секунду я перебирал в уме голоса всех

знакомых. От промелькнувшей догадки перехватило дыхание. Неужели я схожу с ума, но это голос мой.

- Да, ты прав, - отозвался из темноты незнакомец. Ничего нельзя было разглядеть, и я вытянул руку, желая убедиться, что рядом никого нет. Ладонь двойника была холодна. Он сразу же прочитал мои мысли, и смеясь, ответил:

- Нет. Я не покойник. А вот тебя уже причислили к их числу. «У меня жар и я брежу» - подумал я. Прозвучавший ответ еще добавил тумана.

- Нет, скорее этот вопрос я должен задать себе. Ведь ты первый человек, который живым вышел из потока вечности. Только вот возможно, что ты вскоре пожалеешь об этом.

Я с тревогой спросил: «Меня могут услышать?» Но двойник не разделял моих опасений.

- Пойми, этот мир совершенно другой. Здесь не нужны ни зрение, ни слух. Тут все подчиняется вечности, а она безмолвна. В нашей с тобой жизни уже поставлена ею точка.

Вспомнив о времени, я бросил взгляд на свои командирские часы. Фосфор на секундной стрелке светился, и было видно, как она движется в обратную сторону. На этот раз двойник был не на шутку встревожен и крикнул.

- Безумец! Что тебе время, когда за спиной вечность! Время беспощадно к живым. Прощай!

Тьма, как черный туман, опускалась на воду. Я стоял на острове, и это был огромный глаз. Я был на самом краю бледно-зеленого зрачка. И своими ногами попираю дремлющее око

безжизненности. Гордец, я был пылинкой, даже нет, меня уже не было на нем. Река, принеся меня сюда, безжизненно текла в подземной галерее. Вместо каменных стен из воды поднимались гигантские, человеческие руки, прикованные золотой цепью к своду. Темные воды вечности манили в свой мир.

Меня искали. Их голоса проникли в мой мозг.

- Он был здесь, - шептались между собой змеиные языки, черно-красные водоросли.

Из глубины к острову потянулись утопленники. Лица, обтянутые тиной, объединенные рыбами и раками с пустыми глазницами показались над водой. Меня спасало лишь то, что никто не смел и мельком взглянуть на недремлющее око.

Но неживой мир не так уж глуп. Из мрака вод поднимался горящий деревянный идол. Его холодный свет коснулся меня, и длинная тень легла на зеркало воды. Я закрыл глаза. Хотя и был я крещен, крестик нательный не носил, ни одной молитвы не знал. В этот миг моя просьба о заступничестве, прорвав своды подземелья, устремилась ввысь к Богу. Порыв свежего ветра чуть не сбил меня с ног. Белая стрела пронзила горящего идола, и он рассыпался, как труха. Тем не менее, моя тень не исчезла. А там, где она сливается с далью, появился человек, он шел прямо по тени навстречу мне. Подземелье стало погружаться во все поглощающую черноту. В невыразимом отчаянье я шагнул на дорожку моей тени и устремился навстречу незнакомцу. Расстояние между нами сокращалось, но сгущающаяся тьма размывала черты лица.

Боковым зрением я успел заметить, как из воды тянулись ко мне руки утопленников. Казалось, весь мир мертвецов пришел по мою душу. Все ближе и ближе их руки... Одни, еще не тронутые временем синие без единой кровинки, судорожно хватались за воздух. Другие, с отросшими ногтями, с висящими лоскутами кожи уже приготовились вцепиться своей мертвой хваткой. Чья-то рука желтыми костяшками пальцев ухватила за край тени. Лица незнакомца я так и не увидел. За миг до нашей встречи темнота вбрала в себя все пространство и, не видя друга друга, мы столкнулись.

Яркий свет ударил в глаза. Заныло разбитое плечо: я вновь оказался в воде. Сквозь несколько трещин в скале внутрь грота проникал солнечный свет. Я осмотрелся: на противоположной стороне на плаву что-то лежало. Дрожь пробежала по телу. Это был человек. Наша клубная ветровка, а особенно номер на рукаве - не оставляли сомнений. Это погибший в прошлом году Сережа Ивин. Нестерпимое желание быстрее выбраться отсюда готово было свести с ума. И словно по мановению свыше, вдруг послышались голоса и снаружи стали стучать.

- Я здесь,- мой крик гулким эхом отозвался в гроте. Было слышно, как кто-то упал в воду. Уже во все горло я повторил: «Да я же здесь». Свет в расщелине кто-то перегородил. И до меня донесся знакомый до боли голос друзей. От радости кровь стучала в висках. Я не один, и я спасен. Сбросив одежду, собрав последние силы я нырнул. Солнечный свет освещал дно реки и

указывал дорогу на волю. Течение меня подхватило, и я вынырнул у катамарана. Радость и удивление были на лицах моих товарищей.

Меня искали три дня. На четвертый день безуспешных поисков решили установить на месте прошлогодней трагедии памятную доску. Мой крик сначала испугал, а потом до слез обрадовал друзей.

Да, права была старуха: с реки я вернулся не один. Тело Сергея достали через сутки. Вернувшись в поселок, я уже знал, как расположить к себе ведунью. Чашка ароматного чая, конечно с коньяком, сделали свое дело. От моего вопроса, откуда она знала это, старуха не уклонилась.

- Вы,- начала она,- делите все на живое и неживое. Вы не задумываетесь даже над своею жизнью, а что будет после - вам вообще безразлично. Вы не прислушиваетесь к себе. Ведь понять себя - это значит понять другого, и не только человека, но и понять растущее дерево или реку. Здесь у нас природа перед нами в долгу, а у вас там - все наоборот. Простившись с ней, меня не покидало чувство, что она что-то недосказала.

Суэта городской жизни затянула в свой круговорот. Лишь спустя несколько месяцев руки дошли до походного рюкзака. В его боковом кармане лежали завернутые в бумагу часы. Странное предчувствие: я знал какое время отмеряют часы. Вопреки всем законам механики, стрелка механических часов двигалась в обратную сторону. Там, где я был, времени нет, и какая

разница, в каком направлении двигаться по кругу? Все равно вернешься в исходную точку.

Содержание

Стихи

Гимн Земле Кузнецкой.....	2
Осень.....	4
«Укрыты холодом зимы...».....	5
«Ночи странные зимой...».....	6
«Тропинка ведет за деревню...».....	7
«Снеготаянье, снега таянье».....	8
«Треплет вихры ...».....	9
«Безумие текло...».....	10
«Стела небо проткнула...».....	12
Юлии Друниной.....	13
«Колокола тревогу разливают...»..	14
«Когда апокрифы истлея...».....	16
«Там переходят воду вброд...».....	17
«Из неизбежности даль сна...».....	18
«Добавить красного в закат...».....	19
«Какая странность: человек...».....	20
«Лохмотья серых облаков...».....	21
«Наидобрый снов ...».....	22
«Вязь арабская Корана...».....	23
«Кто ты, нищая или вещая?...».....	24
«Ничто существует...».....	26
«Еще неведомы печали...».....	27
«Время в этом мире...».....	28
Древний Рим.....	29
«Ночные бденья...».....	30
«Одиноки мы во вселенной...».....	31
«Будто амфоры две вазы...».....	32
«Огненный ангел...».....	33
Тень.....	34
«Краток миг - миг перехода...».....	35
«Становясь с годами старше...».....	36
«Кровоточит закат облаками...».....	37

«Луна ярка. Час полнолуния...».....	38
«Светильник бабочку влечет...».....	39
«Время, ты - птицелов...».....	40
«Остаток дня сжигает вечер...».....	41
Часы.....	42
«То пень, то колода...».....	43
«Поднимается донная взвесь...».....	44
«Мы не нарушили молчанья...».....	45
«Бесконечность так зыбка...».....	46
«Ночная птица в испуге...».....	47
«Хранит молчанье темнота...».....	48
«Два месяца. В глубинах...».....	49
«Как будто прошлого не стало...»...50	
«С ума сошедший слышит...».....	51
Рассказы	
Вишневая боль.....	53
Первая школа.....	55
...Тем больше люблю собак.....	57
За порогом шестой палаты.....	59
Фронтальная смекалка.....	62
Ослик.....	64
Простушка.....	66
Мертвая вода.....	68
Чечен.....	69
Чернокрылые нахалки.....	71
Последний первый бой.....	73
Шахтерская быль.....	76
Древнекитайская притча.....	79
За кулисами сновидений.....	80
Опыт Нострадамуса.....	81
Водоворот тьмы.....	88

ВАЛЕРИЙ УХАНДЕЕВ

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

сборник стихов и рассказов

"Библиотека
им. М. Горького"
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Формат 148X210. Бумага офсетная.

Печать ризографическая.

Тираж 55 экз.

ОГУП Кемеровское областное
издательство «Притомское»
650099, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5
тел.: (3842) 25-23-09, факс: (3842) 25-23-66

